

Научная статья

УДК 343:340.111.57

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-3-10>

К вопросу о понятии уголовно-правовой фикции

Дмитрий Сергеевич Дядькин^{1, 2✉}, Виталий Алексеевич Щелкунов²

¹Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

²Коллегия адвокатов «Дефенден Юстицио», Сургут, Россия

Аннотация. В статье на основе критического анализа современных представлений о теории фикций в праве представлен новый подход к обоснованию существования института уголовно-правовых фикций в теории и практике, исследованы сущностные признаки уголовно-правовых фикций и предложено авторское определение, позволяющие по-новому осмыслить роль фикций в уголовном праве.

Ключевые слова: фикции, уголовно-правовые фикции, истинность в уголовном праве

Для цитирования: Дядькин Д. С., Щелкунов В. А. К вопросу о понятии уголовно-правовой фикции // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 99–104. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-3-10>.

Original article

On legal fiction definition

Dmitry S. Dyadkin^{1, 2✉}, Vitaly A. Shchelkunov²

¹Surgut State University, Surgut, Russia

²Bar Association “Defenden Justicio”, Surgut, Russia

Abstract. The paper presents an alternative approach to substantiating the existence of the legal fiction institution in theory and practice. The approach is based on a critical analysis of modern ideas about the theory of legal fictions. Authors investigate the essence of legal fictions and propose a new definition, which enables us to comprehend the role of fictions in criminal law from a new perspective.

Keywords: fictions, legal fictions, truth in criminal law

For citation: Dyadkin D. S., Shchelkunov V. A. On legal fiction definition. *Surgut State University Journal*. 2025;13(3):99–104. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-3-10>.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования фикций в уголовном праве заключается в том, что данное явление наряду с тем, что находит широкое применение в практике регулирования уголовно-правовых отношений, остается институтом слабо изученным в теории, где до настоящего времени не выработано единого и традиционно принятого научного взгляда по поводу как самого определения «уголовно-правовая фикция», так и его признаков и оснований применения, что не позволяет системно

и эффективно реализовывать цели уголовно-правовой политики с помощью данного инструмента.

Активное применение уголовно-правовых фикций в качестве средства регуляции уголовно-правовых отношений требует исследования: правил закрепления в виде фикции того или иного способа регулирования, взаимосвязи материй закона и фикций, механизмов их одновременного или конкурентного применения субъектами правоотношений в правоприменительной практике.

Целями настоящей статьи выступают систематизация современных представлений об уголовно-правовых фикциях, выработка единообразного подхода к их исследованию и формулирование на основе вышеуказанных знаний исчерпывающего определения уголовно-правовой фикции и ее признаков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При исследовании предмета настоящей статьи были применены следующие методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, формально-логический, а также использовались общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и дедукция.

С целью формирования современных представлений и научных взглядов на институт уголовно-правовой фикции были изучены и проанализированы труды Д. М. Мейра, Г. В. Дормидонтова, К. В. Бабаева, В. М. Горшенева, А. П. Заец, К. К. Панько, Р. К. Лотфуллина, В. В. Тарасенко, И. А. Абдулханьянова.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ научных трудов, посвященных изучению феномена фикций в праве, позволяет обнаружить, что авторы один и тот же объект исследования именуют по-разному. Так, одни исследователи рассматривали «фикцию», другие «правовую фикцию», третьи – «юридическую фикцию» [1, с. 20]. Несмотря на указанные разночтения относительно выбора применимой терминологии к исследуемому предмету, большинство специалистов бесспорно выделяют ряд общих аспектов (признаков) фикций в праве. Это дает нам основания полагать их в качестве сущностных признаков современной теории правовых фикций, которые и будут подвергнуты дальнейшему критическому анализу.

Первый признак – «ложность» фикции [2, с. 98]. Под фикцией понимают нечто не существующее в действительности либо же существующее в ином по сравнению с действительностью виде, но признаваемое существующим либо несуществующим соответственно.

Второй признак – форма (место) закрепления фикций. Большинство ученых полагает, что местом содержания фикций высту-

пают исключительно нормативно-правовые акты [3, с. 109], также есть мнения, допускающие размещение фикций и в законе, и в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ППВС РФ) [4, с. 77], отдельные авторы высказывались о нахождении фикций в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) [5, с. 93].

Третий признак – неопровержимость фикций. Большинство специалистов [5, с. 93] полагают, что фикции не могут быть опровергнуты, даже если они противоречат действительности, в отличие от презумпций, которые могут быть опровергнуты, первые – всегда неопровержимы. Несмотря на это, высказывались мнения о возможности опровержения фикции [4, с. 77].

Четвертый признак – определение фикции как инструмента юридической техники. При этом в специальной литературе имеется дискуссия по поводу дальнейшего отнесения фикций к тем или иным категориям юридической техники. Так, одни ученые считают фикции приемом юридической техники [6, с. 105; 7, с. 117; 8], другие же ученые относят фикцию к категории средств юридической техники [4].

Обобщение выраженных в юридической литературе взглядов на фикции позволяет сформулировать общую современную концепцию, которая базируется на определении фикции с помощью ее следующих сущностных признаков: 1) относимость к юридической технике; 2) нормативный характер; 3) по существу – определения фикции как заведомо ложного для законодателя положения, признающего те или иные обстоятельства существующими, либо существующими в другом виде, либо не существующими вообще; 4) обладание абсолютной неоспоримостью. Целями правового регулирования с использованием фикций выступают: восполнение и/или устранение правовой неопределенности; экономия нормативно-правового материала; придание общественным отношениям стабильности и предсказуемости; осуществление процессуальной экономии при производстве по делу; стимулирование участников

правоотношений к надлежащему правомерному поведению.

Анализ имеющихся в уголовном праве фикций, практика их применения при регулировании уголовно-правовых отношений, а также имеющиеся разногласия научных взглядов на отдельные вопросы понимания данного института дают авторам все основания констатировать отсутствие в доктрине права единой и завершенной общей теории института уголовно-правовых фикций, а также поставить под сомнение тот факт, что существующая в доктрине концепция о фикциях в праве в настоящее время удовлетворительна и согласовывается с фактическими обстоятельствами правоприменения.

Для преодоления указанных проблем следует прежде всего предпринять попытку сформулировать удовлетворяющее теорию и практику определения уголовно-правовой фикции, которое, согласно мнению авторов, может выглядеть следующим образом: уголовно-правовая фикция – средство юридической техники, с помощью которого в актах толкования специальным субъектом, наделенным на это правом, устанавливаются общеобязательные к правоприменению правила, выходящие за рамки законодательно установленных правил в нормах права. Из предложенного понятия «фикции» вытекают ее следующие признаки: средство юридической техники; неопровержимость; форма (место) закрепления – акт толкования; сверхлегальная легитимность (применимость фикции даже при ее противоречии закону).

В целях аргументации вышеобозначенной позиции авторов рассмотрим приведенные обстоятельства более детально.

Определяя уголовно-правовую фикцию как средство, а не прием юридической техники, специалисты исходят из того, что средство показывает, с помощью каких инструментов осуществляется правовое регулирование, а прием является способом формирования законодателем своей воли при конструировании норм [9]. Таким образом, совершенно очевидно, что средство юридической техники обозначает, с помощью чего достигаются цели

правового регулирования, а прием – о том, как именно они достигаются. В связи с этим уголовно-правовую фикцию следует определять как средство юридической техники.

Неоспоримость уголовно-правовой фикции закрепляется самим механизмом ее правового регулирования, оспаривание которого не невозможно. Данное обстоятельство очевидно, поскольку фикция существует независимо от фактических обстоятельств дела, не подлежит доказыванию либо опровержению, не отражает реальность и не носит вероятностный характер. Сама идея оспорить уголовно-правовую фикцию является попыткой поставить под сомнение структуру правового регулирования. Как верно отмечал К. К. Панько, оспоримые фикции есть презумпции, верность данного суждения выражается в том, что презумпция является вероятностным суждением о наличии либо отсутствии определенных обстоятельств, которые могут подтвердиться либо быть опровергнутыми.

Таким образом, уголовно-правовая фикция является неопровержимой.

Уголовно-правовая фикция в настоящее время находится исключительно в актах судебного толкования. Определяя понятие уголовно-правовой фикции, авторы указали в общем виде на возможность закрепления фикции в любом акте толкования, которое может быть осуществлено специальным субъектом, наделенным на это правом. Однако в настоящее время в российской правовой системе представлены только фикции, установленные высшей судебной инстанцией.

Уголовно-правовая фикция, вне всякого сомнения, должна иметь свое место в правовой материи средств правового регулирования (закон, толкование, судебная практика и т. д.), при этом по своему функциональному содержанию уголовно-правовые фикции предназначены для преодоления общего правила, предусмотренного законом, а именно: закон предусматривает пределы (рамки) правового регулирования, судебное толкование, в свою очередь, в некоторых случаях выходит за данные «рамки», существенно отклоняясь от поставленного законодателем курса. Учитывая,

что уголовно-правовая фикция выступает в роли правила, выходящего за границы правового регулирования, нормативно установленных правил, возможность нахождения уголовно-правовых фикций в законодательстве становится невозможной ввиду того, что закон не может противоречить закону, т. е. закон не может выступать в роли положения, выходящего за рамки своего же положения.

Законодательство не содержит положений, закрепляющих обязательный характер применения актов судебного толкования, однако в практической юриспруденции акты судебного толкования фактически приравнены к законам, в качестве примера может выступить кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 1 октября 2024 г., где Судебная коллегия, рассматривая уголовное дело № 31-УД24-8К6 изменила приговоры нижестоящих инстанций, применяя положения статьи 9 УК РФ, регулирующие действие закона во времени к ППВС РФ, объяснив данное решение тем, что разъяснения ППВС РФ, влекущие за собой ухудшение положения осужденного, не распространяются на деяния, совершенные до их принятия. Получается следующее: законодательство не закрепляет обязанности применения актов судебного толкования, научное сообщество не имеет единого ответа по поводу их обязательности, но в то же время в практической юриспруденции данные акты являются обязательными для применения, так как их неприменение приведет к отмене судебного решения либо его изменению.

На основании вышеизложенного бесспорным выступает вывод, что правила, нормативно установленные законом, являться уголовно-правовыми фикциями не могут, а уголовно-правовые фикции в российском праве в настоящее время содержатся исключительно в актах судебного толкования.

Применимость фикции даже при ее противоречии закону (сверхлегальная легитимность) обозначает, что уголовно-правовая фикция признается законной, хотя ее легитимность выходит за рамки нормативно установленных правил. Выражается это в том,

что законодатель, изначально формулируя положения в законе, не может предвидеть, каким образом данные положения в будущем окажут воздействие на общественные отношения, какие возникнут проблемы на стадии применения, а также возникнут ли отдельные неопределенности в правоприменении при соответствующей материи закона. Не идеальный закон, отсутствие законодательного регулирования или изменение характера общественных отношений могут потребовать оперативного и скорейшего реагирования на данные факты. Наиболее быстрым и эффективным средством такого реагирования может выступать уголовно-правовая фикция, с помощью которой могут быть созданы расширяющие положения законодательства.

Так, например, в пункте 17 ППВС РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», который предусматривает, что приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, могут быть признаны соучастием в преступлении (например, в краже), если эти действия были обещаны исполнителю такого преступления до или во время его совершения либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения), давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие.

Закон устанавливает правило, что пособничество возможно исключительно путем заранее обещанных действий, ППВС РФ вводит новое правило квалификации, существенно выходящее за рамки правового регулирования, в правоприменении данное правило применяется и было учтено при вынесении следующих приговоров: Владивостокского гарнизонного военного суда от 04.09.2020 по делу № 1-1/2020, Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 22.12.2017 по делу № 1-98/2017.

Вышеуказанные примеры правоприменения демонстрируют, что производство

квалификации деяния при одновременном наличии правил квалификации, установленных законом и фикцией, должно следовать по правилам, установленным фикцией, в связи с чем делается вывод о сверхлегальной легитимности последней.

Наиболее существенным отличием предложенного в данной статье подхода к пониманию уголовно-правовых фикций от ранее сформулированных в доктрине является отказ авторов от признания положений фикции «ложными», не соответствующими истине. Предыдущие исследователи, указывая на несуществующий характер тех или иных положений фикции, делали акцент на их истинности либо ложности. Истинным они считали то, что в действительности существует, ложным же называли то, чего в действительности нет. При этом, по мнению авторов данной статьи, любые параллели между действительностью и законом, истинностью либо ложностью положений закона для фикции невозможны.

Понятия истинности и ложности неразрывно связаны с философией, где под истиной понимается адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно, где она подразделяется на объективную и субъективную. Объективная истина представляет собой то, что есть в действительности, фактически, на самом деле, а субъективная истина есть то, что мы думаем об объективной истине в результате ее познания.

В юриспруденции истина трактуется иначе, чем в философии, и разделяется на материальную и формальную. Полное соответствие действительности выводов следствия и суда является материальной истиной, формальная, в свою очередь, представляет соответствие формальным условиям, таким как наличие определенного количества свидетелей, удостоверение того или иного факта определенным документом [10, с. 310–311]. При этом юридическая истина может не соответствовать фактам, имевшим место в реальности [11, с. 41].

Законодатель, закрепляя то или иное положение, возносит данное правило, т. е. за-

кон, в ранг безоговорочной истины, и, следовательно, дальнейшие рассуждения об истинности либо ложности данных положений являются излишними. Закон является механизмом регулирования общественных отношений. Учитывая процедуру принятия, изменения либо отмены данных правил, такая «истина» будет меняться независимо от действительности, так как, например, сегодня действуют одни правила квалификации определенного преступления, и это принимается за истину, впоследствии будут приняты уже другие правила квалификации, которые также будут приняты за истину, а действительность, в свою очередь, может не поменяться.

Несомненно, вопрос о возможности определения и постижения объективной истины является спорным и дискуссионным, однако, учитывая соответствующие философские труды Иммануила Канта [12], мы приходим к выводу о невозможности постижения объективной истины. Вследствие этого любые представления об уголовно-правовой фикции как истинном либо ложном положении по своему содержанию неправомерны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование демонстрирует существенные пороки и противоречия в существующей теории о фикциях в праве. Их преодоление и разрешение требует переосмысления понятия фикции в самой его основе. В настоящей статье авторы попытались разрешить некоторые вопросы относительно определения уголовно-правовой фикции. Предложенные в исследовании признаки, свойственные фикции в уголовном праве, обладают научной новизной и позволяют пересмотреть традиционное понимание фикции в праве как нечто ложного, содержащегося в законе.

Уголовно-правовая фикция – явление положительное, могущее оперативно вмешаться в регуляцию общественных отношений и придать им стабильность, однако рекомендуется по мере накопления уголовно-правовых фикций в актах судебного толкования дополнять законодательство данными положениями,

чтобы между законодательством и правоприменением не возникало разночтений. Иными словами, трансформировать массив фикций в законодательно установленные нормы права.

Список источников

1. Резиньков П. М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 38 с.
2. Панько К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. 135 с.
3. Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород : Высшая школа МВД, 1993. 544 с.
4. Тарасенко В. В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России : моногр. М. : Юрлитинформ, 2022. 230 с.
5. Абдулханьянов И. А. Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование : моногр. / под ред. А. П. Кузнецова. М. : Юрлитинформ, 2024. 218 с.
6. Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1895. 176 с.
7. Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.
8. Заец А. П. Система советского законодательства (проблема согласованности). Киев : Наук. думка, 1987. 97 с.
9. Филимонова И. В. Место юридической фикции в системе средств юридической техники // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4. С. 47–53.
10. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. М. : Наука, 1968. Т. 1. 469 с.
11. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М. : Проспект, 2003. 142 с.
12. Кант И. Сочинения / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. В 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 798 с.

Информация об авторах

Д. С. Дядькин – доктор юридических наук, доцент, профессор, адвокат;
<https://orcid.org/0000-0001-8888-926X>,
lex.dds@gmail.com[✉]
В. А. Щелкунов – стажер адвоката;
<https://orcid.org/0009-0002-7560-4098>,
shchelkunov.99@mail.ru

Предложенные пути разрешения части вопросов о понятии фикции в уголовном праве должны быть положены в основу формирования новой концепции уголовно-правовых фикций.

References

1. Rezinkov P. M. Yuridicheskaya fiktsiya: teoretiko-pravovoy analiz. Extended abstract of Cand. Sci. (Law) Thesis. Volgograd; 2012. 38 p. (In Russ.).
2. Panko K. K. Fiktsii v ugovolnom prave i pravoprimenenii. Cand. Sci. (Law) Thesis. Voronezh; 1998. 135 p. (In Russ.).
3. Babaev V. K., ed. Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; 1993. 544 p. (In Russ.).
4. Tarasenko V. V. Prezumpitsii i fiktsii v sovremen-nom ugovolnom prave Rossii. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2022. 230 p. (In Russ.).
5. Abdulkhannyanov I. A. Fiktsiya v ugovolnom prave: teoretiko-prikladnoe issledovanie. Monograph. Kuznetsov A. P., ed. Moscow: Yurlitinform; 2024. 218 p. (In Russ.).
6. Dormidontov G. F. Klassifikatsiya yavleniy yuridicheskogo byta, odnosimyykh k sluchayam primeneniya fiktsiy. Kazan: tipo-lit. Imp. un-ta; 1895. 176 p. (In Russ.).
7. Gorshenev V. M. Netipichnye normativnye predpisaniya v prave. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1978;(3):113–118. (In Russ.).
8. Zaets A. P. Sistema sovetskogo zakonodatelstva (problema soglasovannosti). Kiev: Nauk. dumka; 1987. 97 p. (In Russ.).
9. Filimonova I. V. Place of legal fiction in the system of legal techniques. *Altai Law Journal*. 2013;(4):47–53. (In Russ.).
10. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesa. In 2 vols. Moscow: Nauka; 1968. Vol. 1. 469 p. (In Russ.).
11. Mikhaylovskaya I. B. Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessualnaya forma). Moscow: Prospekt; 2003. 142 p. (In Russ.).
12. Kant I. Sochineniya v shesti tomakh. Asmus V. F., Gulyga A. V., Oyzerman T. I., eds. In 6 Vols. Moscow: Mysl; 1964. Vol. 3. 798 p. (In Russ.).

About the authors

D. S. Dyadkin – Doctor of Sciences (Law), Docent, Attorney;
<https://orcid.org/0000-0001-8888-926X>,
lex.dds@gmail.com[✉]
V. A. Shchelkunov – Attorney Trainee;
<https://orcid.org/0009-0002-7560-4098>,
shchelkunov.99@mail.ru